

Сергей Корниевский

Преступник

К мойке на Константиновской улице мы подъехали через пятнадцать минут после звонка. Машину поставили под уличным фонарем. Водитель остался за рулем, а я вместе с Колпаковым вошел в офис. Увидев нас, какая-то девчонка с бледным лицом и веснушками вокруг носа засуетилась, и пока мы приближались, громко крикнула в сторону кабинета: «Сергей Иванович, тут милиция приехала!». «Стало быть, верная секретарша», – подумал я. К нам вышел седой мужчина.

– Вы Сергей Иванович? – спросил его Колпаков.

– Да, я. Вы, видимо, из дежурной части. Пойдемте, я вам все покажу.

Он вышел из помещения и направился в сторону Днепровской дороги. Водитель Сержнев, увидев нас, закрыл машину и пошел следом.

– Вот, смотрите, – приближаясь, Сергей Иванович указал рукой на темно-синий «фольксваген» с разбитым боковым окном с водительской стороны. – Это свежее. Мы сюда курить ходим, час назад было целое.

Машина стояла в совершенной тьме. Только под свет фонарика удалось разглядеть осколки разбитого стекла и небольшой булыжник около водительской двери. Следователь Колпаков попросил Сержнева взять у конопатой секретарши объяснение, сам сделал несколько фотоснимков автомобиля, булыжника, разбитого окна, поле чего позвал за собой Сергея Ивановича и направился в офис. Я их остановил.

– Когда вы выходили курить последний раз? – спросил я Сергея Ивановича.

– Ну так я же говорю, около часа назад, не позже. Было все целое, а тут я вышел, сначала даже ничего не заметил, а когда глаза к темноте привыкли, гляжу – дыра. Ну и позвонил вам.

– Хозяина машины знаете?

– Нет. Так она каждый вечер тут стоит, видать, в этом доме живет. Я не знаю его.

– Что-нибудь украли? – уточнил я.

– Откуда же я могу знать? Ну, наверное, украли что-то, магнитолу, наверное, что еще крадут... Проверьте там, есть она или нет. Какой смысл бить машину и ничего не красть?

Я отпустил Сергея Ивановича вместе с Колпаковым, а сам обошел машину несколько раз вокруг, снова подошел к разбитому окну и заглянул внутрь. На водительском сиденье стекло, разбитое на тысячи мелких частиц и удерживаемое тонирующей пленкой, валялось, словно неопрятно брошенная тряпка. Вместо проигрывателя из панели торчало несколько корявых проводов и реле. Стало быть, действительно украли. Мне показалось, что в салоне я почувствовал запах сигаретного дыма, но не придал этому значения. Сам отошел немного от машины и закурил. Подошел Колпаков.

– Ну что? – совершенно спокойно спросил он.

– Ничего, пусто. Магнитолы нет. Это чисто поселковая тема. У них за ночь бывает по несколько таких.

Колпаков тоже закурил. Мы вдвоем подошли к машине. Он засунул голову в салон и, подсветив панель автомобиля телефоном, что-то рассматривал. Само собой, для меня уже было все ясно. Раскрыть подобную кражу у меня нет шансов, в отличие от оперов из Суворовского, которые подчас ловят автомобильных воров и в нагрузку лепят им несколько левых эпизодов. Сверх того, на мне висело четыре нераскрытых кражи и грабеж на Набережной, нажитые за последние трое суток. Я решил, что дело нужно ронять.

– Дима, ты не в курсе, звонили на архиватор? – спросил я Колпакова, по-прежнему ковырявшегося в салоне «фольксвагена».

– Да, на архиватор. Так тут номер регистрации есть, так что в любом случае тебе придется принимать решение.

– Слушай, ну тогда укажи там как-то в объяснении, что машина стояла по ту сторону дороги. Пускай в Суворовском занимаются.

Колпаков рассмеялся.

– Ты что, издеваешься? Как ты себе это представляешь?

– Ладно, короче. Где терпила? Когда дашь ему подписывать объяснение, галочку поставь, чтоб осталось пару пустых строчек. Я потом что-нибудь придумаю.

Дима ушел.

Прием с галочкой – это старый, всем нам знакомый милицкий фокус, когда потерпевшему указывают место, где ему поставить свою подпись так, чтоб от текста самого объяснения оставалось несколько свободных строк, на которых в дальнейшем можно добавить какие следует поправки. Тот, кто принимает объяснение, закрывает свободное место ладонкой и пальцем указывает, где именно приложить руку. Мало таких храбрецов, что позволят себе убрать руку милиционера и расписаться как положено, следом за своими свидетельствами.

Совершенно неясно, зачем мне вздумалось вновь заглянуть в салон. Я включил фонарик и опять засунул голову в автомобиль: на лобовом стекле есть трещина, под зеркалом заднего вида висит пара миниатюрных боксерских перчаток и ароматизатор, на пассажирском месте лежит какой-то журнал. Вдруг мне показалось, что сзади себя я услышал какой-то шорох. Повернул туда голову, и, заледенев от испуга, шарахнувшись, выскочил из машины. На заднем сиденье кто-то был. Рубаха зацепилась за осколок и от резкого движения порвалась ниже подмышки. «Может, мне померещилось?» Снова осмотрел свою рубаху, направил свет фонарика внутрь салона и аккуратно заглянул. Действительно, там в кромешной тьме сидел человек. У меня по телу пробежала дрожь – я совершенно не ожидал, что внутри кто-то может находиться. От изумления я выругался на незнакомца и схватился за кобуру.

– Ах ты гад, а ну вылезай давай, – я подошел к задней двери и постучал по окну. Ничего не произошло. Попробовал открыть заднюю дверь. Закрыта. Снова постучал по окну – тишина.

– Вылазь, мерзавец.

Я позвонил Колпакову и сказал ему, чтоб он вместе с Сергеем Ивановичем и конопатой скорее бежал сюда. Первым пришел Сержнев.

– Что такое?

– Глянь в салон, сам поймешь, что такое.

Сержнев тоже включил фонарик и направился к «фольксвагену».

– Только не трогай его. Пока гражданские не пришли, пускай сидит, – скомандовал я.

Через полминуты пришел Дима и Сергей Иванович. Я им объявил, что в салоне машины находится человек, стало быть, преступник. Каждый по очереди заглянул, но, ничего не говоря, высовывал голову и смотрел на меня угрюмо, как на пророка.

– Ну. Так чего он там сидит? – спросил Колпаков.

– Ждет своей остановки, – огрызнулся я. – Ждал же вас, а то вытаску, а он скажет, что мимо шел. Секретаршу чего не позвал?

Сергей Иванович снова подошел к машине, еще раз заглянул в салон и что-то сказал неизвестному. Сержнев, так, как и я минуту назад, стал стучать по заднему окну. Дима попросил его сбегать за секретаршей. Минуту ждали их. Человек в машине все время молча сидел на заднем сиденье, не подавая никаких признаков присутствия. Когда все были в сборе, я попросил Сержнева стать около меня и опять залез в салон.

– Дружок, ну чего же ты засел тут? Давай вылезай, на улице хорошо, воздух свежий. Выходи к нам, поговорить надо, – я показал ему пальцем на дверь. В этот раз мне удалось как следует рассмотреть неизвестного. Мужик где-то около сорока лет, худой и костлявый; мне сразу бросился в глаза огромный кадык, торчащий из шеи, как скала, и маленькие свинячьи глазки, совершенно растерянные и озабоченно рассматривающие меня сквозь узкую щель. Одет был во что-то темное. Несмотря ни на что, дышал весьма ровно. На мои слова он никак не реагировал. Хоть я не давал тому наружность, стоит признать, что от него веяло какой-то напряженностью и тревогой. Когда он невзначай слегка пошевелился, я вздрогнул и смутился немало. Вылез.

– Ну что? – тут же спросил меня Сержнев.

– Та ничего, обдолбленный наркоман. Залез украсть магнито-лу и решил, что с друзьями едет на рыбалку. Придется вытаскивать силой.

Сергей Иванович и его конопатая секретарша, недоумевая, осматривали меня по очереди с водителем. Видимо, никогда ранее с подобным не встречались. Я сказал Сержневу, чтоб он глядел

внимательно: сейчас открою дверь изнутри, чтоб тот не выбросил магнитолу – мой билет к раскрытой краже.

Снова полез в салон. Мужик сидел на своем месте за водительским сиденьем, по-прежнему не двигаясь. Я открыл переднюю дверь, сел на водительское место и потянулся за передней пассажирской ручкой. Мужик шевельнулся.

– Может, мне выйти? – совершенно невозмутимо спросил он, как будто предлагал мне свое место.

– Уже можешь не напрягаться. Выйдешь через лет пять, – ответил я и распахнул пассажирскую дверь настежь. – Сержнев, иди открой заднюю правую.

Сержнев оббежал машину, засунул руку в салон, поднял замочную кнопку, открыл заднюю дверь и замер.

– Чего ты стал? Залазь, вытаскивай его, – заколебавшись, прогремел я.

– Откуда я знаю, что у него на уме? Может, он лезвием сейчас начнет махать, – оправдался Сержнев.

«Действительно, не исключено. Значит, надо лезть мне», – согласился я.

– Иди, садись на мое место.

Я обошел машину вокруг и, направив фонарик в лицо мужику, приказал ему показать ладони. Он послушно выставил свои костлявые руки вперед и несколько раз ими повертел.

– Так и держи, молодец, – сказал я и, сев на заднее сиденье, стал приближаться к противоположной двери. Мужик молча продолжал вертеть перед собой руки, с интересом их рассматривая. Я потянулся к замочной кнопке так, что практически уткнулся своим носом в ухо неизвестного. От этого прикосновения по телу вновь пробежала дрожь. Аккуратно я поднял кнопку двери вверх, вылез из машины и стал обходить. Вдруг позади себя услышал хлопок. Это закрылась задняя дверь, из которой я только что вылез. Вернулся к ней и попытался открыть. Заперта. Я пошел к двери, в которой поднимал замочную кнопку, но и она оказалась закрыта. Сержнев уже стоял в нескольких метрах от машины, держа в зубах сигарету и что-то рассматривая в телефоне. Дима и директор с секретаршей наблюдали за мной, как православные за работой иудейского священника. Я опять выругался.

– Сержнев, какого черта ты там делаешь? Я тебе сказал сидеть в машине, этот кретин закрыл все двери.

Водитель засуетился, спрятал телефон и подбежал к передней двери. Я его остановил и сам сел в машину.

– Ты чего же это, гад? – шипя, обратился я к мужику. – Быстро открыл дверь, не делай мне нервы.

– А можно, я еще здесь посижу? – вдруг жалко проговорил он, как ребенок, просящий у родителей еще поиграть за компьютером. Совершенно озадаченный такой просьбой, я решил действовать жестче: быстро поднял кнопку замка вверх, выскочил из машины и дернул дверную ручку. Он снова ее запер.

– Ах ты мерзавец! – взревел я. – Сержнев, стой тут, я сейчас отворю замок, сразу открывай дверь.

Я влетел в машину, отбросив худые руки мужика в сторону, быстро поднял кнопку и крикнул водителю. Задняя дверь, за которой сидел осажденный, отворилась.

Около минуты мы с Сержневым и позже подключившимся Колпаковым доставали мужика. Про магнитолау я уже позабыл. Во время потасовки рубашка моя порвалась еще хлестче. Я остервенел всецело. В горячке рукой я врезался в шею неизвестного и крепко ее сжал. Он захрипел, задыхаясь, но продолжал сопротивляться, упершись руками и одной ногой в «фольксваген», второй в меня. Я сжал шею еще сильнее и также одной ногой уперся в злополучный автомобиль. Мужик шипел и выпученными глазами осматривал нас, как рыба смотрит на удильщика. Мы, вспотев и задыхаясь от волнений и труда, тащили мужика из его убежища наружу. Тянули так, что порвали ему свитер. Жалкая картина. Сокрушительная правда, о которой мне предстояло узнать чуть позже, на миг посетила мою голову, но тут же исчезла. Конопатая секретарша подбежала к нам и стала бить меня своей тонкой ручкой.

– Что же вы делаете? Вы же его задушите, – кричала она, бесильно стуча по моей спине.

Я отпустил шею и несколькими резкими движениями все же вытащил мужика из машины. Уложили на землю. Сержнев загнул его руки за спину и разом с Колпаковым надел на них браслеты.

– Ах ты гад! – взвыл я. – Ты, видимо, не понял, с кем имеешь дело. Сейчас приедем, я тебе все объясню.

Я приказал Сержневу брать мужика под руки. Поставили на ноги. Водитель повел его в дежурку. Я спросил, все ли из материалов собрал Колпаков, и мы с ним направились к машине. Конопатая секретарша шла следом за нами, вопила, что поедет в отделение с мужиком, что если мы его побьем, будет жаловаться куда следует, обзывала фашистами и проч. «Бодрая девка», – подумал я. Вспомнил за магнитолау. Развернулся и пошел в сторону машины. Секретарша, опешив, остановилась, сделала несколько шагов назад, и когда я приблизился вплотную, конвульсивно вздернула руки, стало быть, в ожидании драмы. Я прошел мимо. Магнитолы нигде не было. Я осмотрел заднее сиденье, коврики, место под задним стеклом, смотрел под машиной и по пути от «фольксвагена» к дежурке. Ничего не нашел. Вернулся и снова осмотрел салон. Ничего. От волнения я решил, что преступник спрятал магнитолау в штанину, поэтому успокоился, сел в машину и приказал Сержневу ехать, убежденный, что раскрытая кража у меня в руках.

В дороге все молчали. Я хмурился и думал о предстоящем допросе. Мужик с зажатыми за спиной руками тихо сопел и рассматривал панель с громкоговорителем, рацией и сиреной. Он казался совершенно беспечным и спокойным, как ребенок, впервые катающийся в милицейской машине. И без того моя жуткая неприязнь к наркоманам ударила в уши. «Сейчас, сейчас», – тихо шепнул я.

Приехали быстро. В дежурке сидели Кириченко и участковый Сердюк. Вместе с какой-то бабой они заполняли бумаги. С мужиком я сразу направился в свой кабинет, но меня окликнул дежурный, чтоб записать доставленного в журнал посещений. Мужика поставил лицом к клеткам. Все это время он, по-видимому, совершенно потерявший интерес к происходящему, покорно повиновался всем моим командам и молчал. Я набросил шторку на камеру видеонаблюдения у себя над головой и открытой ладонью с размаху ударил его по щеке и уху. Он упал. С затаянными за спиной руками мужик попытался встать, но тут же рухнул набок. Неизвестная баба, с которой работал дежурный, вдруг вскрикнула, но тут же закрыла ладонью рот, зажмурилась и отвернула голову в сторону. Лежа, мужик повернулся и посмотрел на меня, затем на Кириченко и Сердюка.

– Ну что, ты понял, куда попал? – спросил я тем самым остервенелым голосом, что угрожал ему пятнадцать минут назад. Он ничего не ответил. Из-под уха потянулась кривая красная линия. Я взял его за руку и повел в свой кабинет.

Наконец рассмотрел его всецело. Одет он был, как физик-ядерщик, в серые выцветшие брюки, какой-то невинный свитерок и черные поношенные туфли. Во внутреннем кармане нашел бумажку с номером телефона. Магнитолы при нем, само собой, не оказалось. Минут пять, по обычаю, с апломбом уверял, что тюрьмы ему не избежать, и что он себе поможет, объявив, где находится украденное. На это он отрицательно кивал головой и гудел, как трансформаторная будка. Следующие двадцать минут я сутился над мужиком, желая извлечь из него нужные сведения, словно повивальная бабка – младенца из утробы тощей матери. Тщетно. Вернулся к бумажке с номером. Набрал, дал телефон ему и сам вышел. Через пять минут вернулся, забрал телефон, вышел. Прослушал разговор. Ничего. Говорил он с какой-то женщиной, ревавшей в трубку, умолявшей его объявить, где он, и проч. Ни слова о магнитоле. О! Я так был занят своим предприятием, что совершенно не замечал вопиющих примет.

Вдруг затряслась дверь. С той стороны послышался женский голос. Сам не знаю, зачем я открыл, и в кабинет, словно ветер, влетела конопатая девка из автомойки. Мигом она подскочила к мужику и, увидев под ухом засохшую кровь, взяла его под руку и без разговоров, отталкивая меня, стала тащить к двери. Я пытался ее остановить, но она укусила меня за руку, крепко вцепилась в мужика и практически вытащила его в коридор. О, русские женщины!

– Как она тут оказалась? У тебя что там, день открытых дверей? – с гневом крикнул я дежурному Кириченко.

Он прибежал резво, мигом подхватил девку за подмышки и потащил из кабинета. Та держалась за мужика, билась ногами, в суматохе плюнула мне в лицо, снова обзывала нас фашистами и истерически верещала. Я тащил мужика в обратную сторону. Жалкая картина.

На мой телефон уже несколько раз звонил тот же номер, с которым говорил мужик. Я не отвечал. Снова стал пугать его тюрьмой. Он по-прежнему говорил какую-то чепуху и, как кот в окно,

смотрел на меня жалкими глазами. «Крепко держит», – решил я. В кабинет зашел Кириченко.

– Там приехал потерпевший, выйди к нему.

Я усадил мужика на стул и пошел к выходу. Около решетки стоял невысокий пузатый мужик с лысиной на затылке.

– Вы хозяин «фольксвагена»? – спросил я его.

– Да.

– Вот, дежурный сейчас у вас примет заявление, магнитола пока не нашли, он ее где-то спрятал, видимо. Но не беспокойтесь, найдем.

– Какую магнитола? – вдруг спросил хозяин «фольксвагена».

– Какую-какую? Ту, на которой вы сегодня утром музыку слушали.

Он немного задумался.

– У меня не было никакой магнитолы.

– Как не было? А что за провода там? Это же с автомойки? Мне сказали, что была.

– Провода торчат уже год. Магнитолы никогда не было. Кто сказал?

– Что значит, не было? А что было?

Он, стало быть, озадаченный моим вопросом, оглядел меня снизу вверх.

– Что украли у вас, вы уже знаете? – уточнил я вопрос.

– Ничего не украл, только стекло разбил, и не более.

«Не может быть, чтоб ничего не украл. Мне надо кражу раскрыть», – подумал я.

– Что же он, по-вашему, просто посидеть в машину залез? Вы, видимо, плохо смотрели.

Мужик не успел ничего ответить. В отделение вбежала новая баба, одетая в зеленое платье, с длинными волосами, красивым лицом и красными от забот глазами. Она заглянула в окошко дежурного.

– Михайлюк! Михайлюк! У вас Михайлюк? Пожалуйста, – ревя, теребя в руках мокрый платок, она увидела, что в дежурке никого нет, обратилась к нам.

– Женщина, вы кто? – спросил ее Кириченко.

– Я его жена. Он у вас?! У вас?!

Я понял, что это жена моего преступника.

– Ну вот, мы хотя бы уже знаем, как его фамилия, – спокойно сказал я. – Вы знаете, что он настолько обдолбленный, что ничего вообще не соображает? Что он разбил вот человеку стекло, залез в его машину и, может быть, что-то там украл?

– Так он же больной! Больной! Вот, вот справка, – она достала из карманчика какой-то потрепанный клочок бумаги и трясущейся рукою протянула его мне. – Умоляю, с ним все в порядке? Умоляю, пожалуйста! Я хочу его увидеть, с ним все в порядке?! Он больной, он обещал мне, что к вечеру вернется, хоть уже за десять.

В силах ли ты, милый друг, вместить, что со мной произошло в тот момент? Какое зверское потрясение меня охватило, когда я услышал, что мой преступник отнюдь не наркоман, к наркотиками имеет пристрастие ничуть не более, чем я, а всего лишь простак, в своем затуманенном безумии пожелавший залезть в чужой автомобиль. В один миг в моей голове всплыли все горячие сюжеты этого вечера: удушение, удары, крики, угрозы. О, позор, как это пошло! Я надорвался и, едва скрыв потрясение, ушел в свой кабинет. Женщина продолжала что-то лепетать про своего мужа, но слушать ее голос я уже был не в состоянии.

Мужик сидел на том же стуле, в той же искривленной позе водосточной трубы, что и в тот момент, когда я его покинул. Когда я вошел, он, не уделив моему появлению никакого внимания, про себя улыбался и что-то бормотал. Я взял из своего стола какую-то тряпку, смочил и вытер с его лица зачерстневшую кровь. Он мне улыбнулся. От этого меня чуть не вырвало. Снял с его рук браслеты, привел в порядок и пригласил в кабинет жену.

О! Русские женщины! Она в беспамятстве, позабыв про все на свете, бросилась обнимать, рассматривать и обласкивать от пят до головы своего больного. Мужик раскрыл широко рот, просветлел и, стало быть, от потехи и бессилия, из его рта потекла слюна. Привернув к себе его еще ближе, жена вытерла с лица секрет, поцеловала и разошлась еще крепче в неумолимом плаче. Теребя его лицо, женщина нечаянно нащупала за ухом ссадину, на миг замерла, но тут же резко убрала руку и, не придав находке ни малейшего знака, продолжила реветь и ласкать своего мужика. Затем она вмиг обратилась ко мне, резво бросилась на колени, сжав в молении руки.

– Он инвалид! Он контуженый! Два года назад его вместе с нашим сыном сбила машина. Сын погиб. Он сильно ударился головой о землю, отчего оскробел. Умоляю вас, отпустите его, я умоляю – я за стекло заплачу, – истошно, врьд с ревом и стенанием снова взвыла она.

Терпеть этого я не имел более сил. Я выскочил из кабинета, забежал в уборную и, как плюгавец, сам того совершенно не ожидая, горько расплакался, сопя, пуская из носа пузыри и подтирая влажные щеки и пот со лба. Почему так произошло? Я не знаю, но мысль об этой отчаянной и до безумия преданной женщине, что стояла только что предо мною на коленях, ее бремя и преданность, тяжесть и мрак всей этой истории и моя в ней роль вдруг столь резво наскочили на меня, что в груди загорело, в горле сдавило, дыхание замерло, и слезы хлынули селью без моего в том участия. Я подошел к умывальнику. Само собой, мне было слишком стыдно узнать это бесславие в зеркале, отчего я опустил, насколько возможно, вниз голову, и несколько минут приходил в себя, освежал водой покрасневшие и опухшие глаза. Когда я вернулся, она по-прежнему держала своего инвалида в объятиях. Увидев меня, она тут же подскочила и, кажется, вновь желала броситься на колени, но я ее остановил. Подошел к Михайлюку, похлопал его по плечу и виновато опустил голову.

– А что за машина была, что его сбила? – спросил я женщину.

– Какая-то большая. Я точно не знаю, может быть, КамАЗ или что подобное. Водитель получил премию в этот день и был смертельно пьян.

– Сыну сколько лет было?

– Четыре. Витя в этом году должен был идти в школу, – она снова расплакалась.

Я подошел к ней и, с трудом сдерживаясь, взял за плечи и обнял. От этого женщина слегка вздрогнула, ослабла и, упершись головой в мое плечо, расплакалась так крепко, что целиком измочила мою рубашу, порванную два часа назад ее инвалидом. Как объяснить ей, зачем я бил ее мужа, я не знал.